

Ю. В. Новак

Белорусский государственный аграрный технический университет,
Республиканский институт высшей школы, Минск

Y. Navak

Belarusian State Agrarian Technical University, Republican Institute of Higher
Education, Minsk

УДК 930.1+101.1:316

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ
HISTORICAL EDUCATION AND IDEOLOGY

Автор исходит из допущения, что изменения общественной практики опосредованно отражаются в сфере исторического познания и обучения, вызывая эффект смены взглядов

на историческое прошлое. В связи с этим в статье анализируется роль идеологии в сфере исторического образования. Делается вывод о том, что различные варианты обоснования истории с помощью средств идеологии зависят от того, кто (гражданское общество или государство) выступает инициатором разработки интерпретационных схем исторического прошлого.

Ключевые слова: историческое образование; идеология; идентичность; ценностные ориентиры.

The author assumes that changes in social practice are indirectly reflected in the sphere of historical knowledge and training, causing the effect of changing views on the historical past. In this regard, the article analyzes the role of ideology in the field of historical education. It is concluded that various options for justifying history with the help of ideology depend on who (civil society or the state) initiates the development of interpretive schemes of the historical past.

Keywords: historical education; identity; ideology; value orientations.

В преподавании истории в современной школе (как средней, так и высшей) обращает на себя внимание частая смена взглядов на наше прошлое. Этот факт отчетливо представлен существующей научно-методической литературой: в период с 1991 по 2010 г., например, школьные учебники по истории Беларуси переписывались трижды [1].

Правомерен вопрос: чем обусловлена такая нестабильность в интерпретации исторического материала? В целом этот вопрос является традиционным для исторической науки, однако выходит за ее узкие рамки и становится предметом социально-философской рефлексии. К нему обращались неокантианцы, неопозитивисты, представители герменевтики и др. Дискутируется он и в сферах современной историографии.

Т. Островская, специалист в области современной социальной философии, разрабатывая проблему национальной идентичности, пытается искать решение, опираясь на идеи герменевтика П. Рикёра и последователя идей исторической школы «Анналов» М. Ферро. Она отмечает, что, по П. Рикёру, способность человека вспоминать и описывать свое прошлое есть одна из фундаментальных характеристик его бытия, и, при использовании схемы П. Рикёра, «взаимоотношения между идентичностью, образованием и историческим прошлым могут быть описаны посредством метафоры герменевтического круга, то есть определенные представления об историческом прошлом закладываются в основание национальной идентичности, а образование выступает своего рода медиумом. И тогда сохранение исторического прошлого невозможно без перманентной трансляции средствами образования и последующей его интериоризации индивидами» [1].

Далее Т. Островская в своих рассуждениях опирается на идеи М. Ферро и формулирует мысль о том, что «двигателем, который запускает процесс циркуляции смыслов в рамках данного герменевтического круга, является поле властных отношений» [1]. Так, М. Ферро посвящает данной теме свою

работу «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» [2]. Книга насыщена богатым фактическим материалом, в ней дана убедительная иллюстрация разнообразных, иногда противоречивых подходов при освещении одних и тех же явлений, событий и процессов даже в отдельно взятой стране. В качестве подтверждения можно взять хотя бы сообщение М. Ферро о ситуации из польской практики исторического воспитания молодежи. Он пишет: «В Польше <...> та история, что совсем недавно преподавалась в школе, заметно отличается от той, которую рассказывали дома. Русские играли в этих историях не совсем одинаковую роль... Мы обнаруживаем здесь столкновение коллективной памяти с официальной историографией» [2, с. 9].

Надо сказать, что М. Ферро предпринимает попытку своего рода классификации основных исторических моделей, выделяя институциональную историю, контристорию и коллективную память людей. Только две первых он называет «историей историков», отмечая, что коллективная память не зависит от ученой традиции и распространяется иными по сравнению с ними способами. То, что М. Ферро называет «институциональной историей», П. Рикёр в своих работах называет «практикуемой памятью», «навязанной памятью». Он пишет: «На деле практикуемая память – это, если иметь в виду институциональный план, память, которой обучили; принудительное запоминание, таким образом, действует в интересах вспоминания событий общей истории, признанных основополагающими для общей идентичности» [3, с. 125].

Т. Островская заключает, что «смена власти неизбежно приводит к изменению исторической перспективы, которая в свою очередь отражается в форме и способах преподнесения исторического прошлого подрастающему поколению. При этом всегда существует опасность злоупотребления “властью над историей”, что может негативно сказаться и на процессах формирования идентичности» [1]. Согласно П. Рикёру, коллективная память, «естественная память», в гораздо меньшей степени подвергается манипуляциям, нежели «практикуемая память», так как сама идеология, действуя на различных операциональных уровнях, выполняет различные функции. Для коллективной памяти – это функция интеграции с помощью символических средств культуры (средств нарратива) с целью конституирования и сохранения первичной культурной идентичности. Для «практикуемой памяти», институциональной истории, идеология выполняет функцию легитимации иерархической структуры власти и порядка (структуры господства – подчинения), и именно здесь «приводятся в действие ресурсы манипуляции, предлагаемые рассказом» [3, с. 125]. Даже наиболее примитивная форма власти, основанная на доминанте физического насилия, нуждается в подобного рода нарративной легитимации. «Даже тиран нуждается в риторике, софисте, которые возвещали бы о его замыслах по соблазнению

или устрашению», – пишет П. Рикёр [3, с. 125]. Для иллюстрации того, как образование выполняет функцию легитимации власти и как проявляет себя идеология в пространстве коллективной памяти и «практикуемой памяти», можно привести пример из книги М. Ферро, где он рассматривает причины введения французскими колонизаторами школьного образования для черного населения Западной Африки. Просветительская цель здесь далеко не единственная и дополняется желанием противостоять антифранцузской истории марабутов и гриотов, представителей касты сказителей-певцов, по сути, выступавших в роли хранителей и распространителей устной исторической традиции. Будучи носителями «естественной памяти», они изображали победы и колониальные завоевания французов как «преходящие и случайные», что шло в разрез с официальной исторической концепцией, которая, отстаивая легитимный статус французского присутствия на черном континенте, интерпретировала его как естественный закономерный процесс [2, с. 37]. Значит, разговор о границах влияния государства на историческую науку и образование может вестись в понятиях определения границ влияния идеологии на сферу исторического познания и образования в целом.

Продолжая философскую линию продуктивной традиции объяснения истории, заложенную в произведениях Г. Гегеля, в дальнейшем в рамках марксизма формулируется материалистическое ее понимание. В методологическом плане представляется ценным следующее высказывание К. Маркса: «Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике» [4, с. 732]. В нем, как нам представляется, находится ключ к решению вопроса об отмеченном выше обилии существующих «правд» о многих событиях и процессах в нашей историографии. Обнадевает также и тот факт, что «способность к самокритике», хотя и реализуется крайне редко, но, тем не менее, принципиально возможна, а вместе с ней для исторического знания открывается возможность быть истинным знанием, объективно отражающим реалии социальной жизни – открывается возможность быть знанием научным.

Таким образом, мы видим, как история и разговор о том, что она собой представляет, сближает сферы интересов государства и сферы образования. В частности, мы можем наблюдать подобное сближение в феномене исторической политики, под которой понимается набор практик, инициируемых политическими или социальными силами и направленных на установление и утверждение определенных интерпретаций исторических событий как доминирующих в рамках определенного общества [5]. Государство, «вкладываясь» в какое-либо мероприятие, разрабатывая новую государственную

политику, будет ожидать от своего «вложения» «дивидендов». Не исключение в этом плане и проект исторической политики. Вопрос в том, каких именно «дивидендов» ожидает от исторической науки государство и насколько сама историческая наука обладает потенциалом эти «дивиденды» государству вернуть. Важен также еще один аспект рассматриваемой проблемы: речь идет о вполне возможных перекосах, возникающих при непосредственном осуществлении исторической политики в сфере образования, тем более, что в недавнем советском прошлом такие идеологические перекосы наблюдались в качестве системного явления не только в сфере исторического образования, но и в сфере исторической науки.

Вопросы идеологии, ее влияния на науку и образование и наоборот активно и плодотворно разрабатываются исследователями всего постсоветского пространства, в том числе и белорусскими гуманитариями. Так, В. Ф. Берков, говоря о функциях идеологии, отмечает: «Сплачивая представителей той или иной социальной группы, обеспечивая их солидарность, идеология служит своеобразной матрицей выдвижения, оправдания, реализации, осуждения, отвержения определенных мотивов и целей деятельности» [6, с. 97]. Далее речь ведется о двух основных видах воздействия идеологии на науку:

- 1) воздействие на цели, задачи и результаты научного исследования;
- 2) воздействие на средства ее развития, то есть на ее методологию и институты.

Возможными вариантами воздействия первого рода будут:

- соответствие научному отображению действительности;
- игнорирование достижений науки, ее целей и возможностей и, как следствие, отрыв от действительности и приобретение догматического облика;
- уход науки в отрыв от непосредственного контакта с идеологией (явление, характерное прежде всего для фундаментальных исследований);
- наложение идеологического запрета на достижения науки;
- насилие над наукой, превращение идеологии в преграду развития последней или вынуждения идти по ложному пути.

По-видимому, в данном перечне самым «безобидным» для науки выглядит первый вариант, но реально состояться сможет, скорее всего, второй или третий. Причем их реализация возможна только при стабильных социально-политических условиях, не предполагающих кардинальных изменений в общественном развитии. Однако открытый и динамичный характер современной жизни по самой своей сути ориентирован на инициирование новых социальных проектов, мероприятий и программ деятельности, что, конечно же, отразится на целях и задачах государственной идеологии, а значит, будет меняться и корректироваться и статус государственной идеологии в рамках науки и образования.

Что же касается взаимоотношений идеологии и науки на методологическом уровне, то, к сожалению, рамки данной статьи не позволяют детально остановиться на этом актуальном для современной науки вопросе.

Идеология и наука обычно расходятся между собой по своим стратегическим целям, и именно это расхождение будет той «естественной» границей влияния государства, нарушая которую идеология будет восприниматься чуждой для науки, то есть как та или иная степень индоктринации. Цель науки – истина, цель образования – успешная социализация обучаемых согласно государственным интересам, цель государственной идеологии – достижение и легитимация власти различными способами (созданием лояльного по отношению к действующим государственным структурам гражданина с помощью системы образования, увеличение своего «присутствия» в стратегических для успешного развития общества сферах и т. д.). Исходя из вышесказанного, можно допустить, что, будучи провозглашенной и реализованной государством, историческая политика увеличит присутствие и влияние идеологической составляющей в структуре исторического знания и образования, что далеко не всегда положительно сказывается на развитии исторической науки в целом. Это связано с некоторыми свойствами самой идеологии, слабой стороной которой является внутреннее сопротивление любой критике, в том числе и самокритике.

Подводя некоторые промежуточные итоги, можно сказать следующее:

1. В процессе своего исторического существования в определенном обществе со временем разрабатываются не одна, а сразу несколько интерпретаций исторического прошлого. В зависимости от того, кто является инициатором разработки данных интерпретационных схем, мы получаем различные варианты обоснования истории с помощью идеологии. В случае с коллективной памятью инициатива будет исходить от общества (гражданского общества), и в данной ситуации идеология будет выступать как средство для формирования и сохранения национального единства и идентичности. В случае с «практикуемой памятью», институциональной историей, инициатива будет исходить от государства, и здесь идеология, действуя на ином операциональном уровне, будет выполнять в первую очередь функцию легитимации власти.

2. Историческое образование и наука, с одной стороны, и идеология – с другой, могут находиться в отношении соответствия (и на этом фундаменте выстраивать свое плодотворное сотрудничество) в своем интересе к формированию мировоззрения и идентичности отдельной личности, социальной группы и нации в целом. Но при этом наука в этом интересе будет ориентироваться на совокупность ценностей, совпадающих с интересами и ожиданиями всего человечества в данную эпоху, государственная же идеология будет в первую очередь блюсти национальный интерес и беспокоиться о сохранении либо созидании положительного образа государства как

для собственных граждан, так и для мирового сообщества. Полная деидеологизация сферы науки, особенно истории, которая зачастую в сфере образования выполняет, словами М. Ферро, функции «борьбы» и «врачевания» [2, с. 9–10], навряд ли возможна, но и усиление идеологического влияния на историческую науку должно быть оправдано реальными потребностями социокультурной и политической обстановки и потребностями самой науки.

3. Сфера исторического образования (по самой своей сути) гораздо более «пластична» по отношению к воздействию на нее идеологии, нежели сфера исторической науки. Но именно наука наполняет сферу образования содержанием и важными мировоззренческими смыслами. Транслируя же эти смыслы юным гражданам, образование непосредственно участвует в процессе формирования их национальной и культурной идентичности.

В заключение, завершая разговор о соотношении исторического познания, исторического образования и идеологии, можно обратиться к приведенной выше мысли К. Маркса [4, с.732], которая как нельзя кстати отражает всю сложность обсуждаемой темы. Это высказывание, отвечая на вопрос о том, почему и как видоизменяется конкретная историческая модель, одновременно побуждает поставить еще один вопрос, а именно вопрос о том, есть ли (или были) страны, которые честно признаются (признавались) в своих исторических ошибках и нелицеприятных действиях? И каковы условия, необходимые для самой возможности осуществления исторической самокритики? Это еще одна перспективная тема для исследований, которая, безусловно, найдет своих приверженцев.

Список использованных источников

1. Островская, Т. Генеалогия исторической памяти белорусов в контексте образовательных практик [Электронный ресурс] / Т. Островская. – Режим доступа: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/557612-1-genealogiya-istoricheskoy-pamyati-belorusov-kontekste-obrazovatelnih-praktik-tatyana-ostrovskaya-ne-nuzhno-sebya-obmani.php/>. – Дата доступа: 18.09.2019.
2. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира: пер. с фр. / М. Ферро. – М.: Высш. шк., 1992. – 351 с.
3. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – М.: Изд-во гуманитар. лит-ры, 2004. – 728 с.
4. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1955–1974. – Т. 12. – 1958. – 880 с.
5. Шерпер, Ю. Исторические исследования и историческая политика [Электронный ресурс] / Ю. Шерпер. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=8dStJcFAEXc>. – Дата доступа: 30.10.2019.
6. Берков, В. Ф. Воздействие идеологии на науку / В. Ф. Берков // Социология. – 2015. – № 2. – С. 97–102.

(Дата подачи: 20.02.2020 г.)